

Почему я не примитивист

МакКуин Джейсон

2001

Образ жизни сообществ охотников-собирателей оказался за последние годы в центре внимания многих анархистов, и на то есть несколько существенных причин. Прежде всего и наиболее очевидно, что если мы собираемся рассматривать действительно существующие анархистские сообщества, то предыстория биологических видов выглядит золотым веком анархии, сообщества, человеческой автономии и свободы. Различные формы государства, обособленности общин и аккумуляций мёртвого труда (капитала) были самоочевидными организующими принципами цивилизованных обществ от начала истории. Но если принять во внимание все доступные нам свидетельства, кажется, что они полностью отсутствовали в течение длительной предыстории человеческих видов. Развитие цивилизации было оборотной стороной неуклонной эрозии как личной и общественной автономии и их влияния внутри анархических, не достигших стадии цивилизации сообществ, так и уцелевших от них рудиментов таких образов жизни.

Более того, в последние несколько десятилетий внутри антропологии и археологии произошла откровенная и (по своим последствиям) весьма радикальная переоценка общественной жизни этих нецивилизованных охотников, собирателей и примитивных земледельцев, как доисторических, так и современных. Такая переоценка привела, как указывали многие анархистские публицисты (в особенности Джон Зерзан, Дэвид Уотсон, также известный как Джордж Бредфорд и проч., и Боб Блэк), к лучшему пониманию и оценке нескольких ключевых аспектов жизни в этих обществах: это значение личной и общинной автономии (означающее отказ предоставлять непомерную власть их лидерам или вождям), сравнительно редкие у них смертоносные войны, совершенство их техник и орудий, их антитрудовая этика (отказ от накопления ненужных излишков, отказ быть привязанными к постоянным поселениям) и их акцент на распределение внутри общины, на чувственность, празднества и игры.

Подъём экологической критики и переоценка природы в последние десятилетия XX века повлекли за собой множество попыток найти в истории примеры экологически устойчивых обществ — обществ, не разграбляющих природные пространства,

не уничтожающих дикую жизнь и не эксплуатирующих все природные ресурсы, которые оказываются в пределах зрения. Неудивительно, что любой серьёзный поиск экологических сообществ и культур в большинстве случаев будет обнаруживать общества охотников и собирателей, которые никогда (за исключением ситуаций, когда они были вынуждены это делать под давлением вторгшихся цивилизаций) не стремились создавать избыточные запасы пищи или товаров и никогда не относились с пренебрежением к братьям своим меньшим и к окружающей природе, не обирали их. Их долговременная стабильность и искусность адаптации к природным условиям делают общества охотников и собирателей устойчивыми обществами, а их экономику — устойчивой экономикой *par excellence*. Кроме этого, и скопившиеся провалы социально-революционных движений нескольких последних веков, и продолжающееся наступление капитала и технологий, видоизменяющих мир, как никогда прежде ставят под сомнение иллюзорную идеологию прогресса, подкрепляющую современную цивилизацию (как и большинство оппонирующих ей движений). Стала очевидна всё нарастающая лживость прогресса, обещавшего неизбежные, неуклонные улучшения в наших личных жизнях и в жизни всего человечества (при условии, что мы сохраним веру и продолжим поддерживать капиталистическое технологическое развитие). Стало всё сложнее и сложнее поддерживать ложь о том, что жизнь теперь качественно лучше, чем во все предыдущие эпохи. Даже те, кто более всего хочет обманываться (те, кто находится на периферии капиталистических привилегий, власти и богатства), будут вынуждены столкнуться со всё возрастающими сомнениями относительно своей рациональности и этических ценностей, не говоря уже о своём здравом рассудке в мире глобального потепления, массовых вымираний, разливов нефти и токсических веществ, сравнимых с эпидемиями, глобального загрязнения, массовой вырубке дождевых лесов, недоедания и периодически повторяющегося голода повсюду в странах Третьего мира. И всё это в условиях нарастающей поляризации между интернациональной элитой сверхбогатых и громадными массами бессильных, безземельных и бедных. Вдобавок появляется всё больше сомнений, сумеют ли когда-нибудь многочисленные блага электрического отопления, хлорирования воды, транспорта на углеводородах и электронных развлечений перевесить невидимую цену индустриального порабощения, запрограммированного досуга и фактического низведения нас до объектов научного эксперимента, призванного определить, в какой же момент мы наконец потеряем все следы человечности.

По вышеперечисленным причинам развитие современных примитивистских теорий (и в особенности анархо-примитивизма) может показаться лёгким, логичным и неизбежным шагом, хотя это означало бы игнорирование других альтернатив, столь же укоренённых в культуре сопротивления. По крайней мере, примитивизм как многогранный и всё ещё развивающийся ответ на эпохальные кризисы, ныне встающие перед человечеством, заслуживает нашего серьёзного оценивания. Это, безусловно, один из нескольких возможных вариантов ответа, действительно пытающийся разобраться в наших текущих затруднениях, чтобы предложить выход. Но в то же время в примитивистских взглядах остаётся множество уже высказанных проблем. Мы также сталкиваемся с потенциально серьёзными проблемами самой идеи примитивизма как направления теории и практики. Вероятно, имеет смысл

прежде всего рассмотреть некоторые из источников примитивизма с целью выявить и проанализировать несколько его наиболее очевидных затруднений и предложить некоторые решения.

Направления примитивистов

Есть несколько линий развития, которые, как кажется, более или менее сплетены и образуют существующую примитивистскую смесь теорий и практик, по крайней мере, на территории Северной Америки (я не столь хорошо знаком с британским примитивизмом). Но два или три направления можно выделить как наиболее влиятельные и значимые: (1) линия, идущая от детройтского анархо-марксистского объединения “Black & Red” и анархистов, участвовавших в издании журнала “Fifth Estate”, включая и (2) Джона Зерзана, также некоторое время принимавшего в нём участие, хотя он и “Fifth Estate”, в конечном счёте, разошлись из-за разногласий относительно статуса и трактовки сельского хозяйства, культуры и одомашнивания; третьё (3) это некоторые активисты, вышедшие из среды, связанной с группой “Earth First!”, часто находящиеся под влиянием радикальных экологов и продвигающие подход «Назад к плейстоцену» (плейстоцен — это геологический период, во время которого возникли человеческие виды).

Фреди Перлман и “Fifth Estate”

Хотя намёки на радикальный примитивизм присутствовали внутри — и даже до возникновения — современного анархистского движения, нынешний примитивизм своим существованием более всего обязан Фреду Перлману и коллективу “Black & Red” из Детройта, публиковавшему его работы начиная с 1960-х годов. Наибольшее влияние оказала его визионерская реконструкция истоков и развития цивилизации, «Против Его Истории, против Левиафана», вышедшая в 1983 году. В этой книге Перлман высказывает предположение, что цивилизация возникла вследствие сложившихся в одном месте и в одно время относительно тяжёлых условий существования, для преодоления которых племенная верхушка посчитала необходимым развить систему общественных водных каналов. Успешное создание такой системы общественной ирригации требовало участия множества людей, организованных как социальная машина под руководством элиты племени. И эта порождённая ими социальная машина стала первым Левиафаном, первой цивилизацией, разраставшейся и воспроизводившей себя путём войн, порабощения и порождения всё более громоздких социальных механизмов. Сейчас мы столкнулись с ситуацией, в которой порождения этой изначальной цивилизации теперь успешно охватили весь земной шар и завоевали почти все человеческие сообщества. Но, как указывает Перлман, хотя сейчас почти всё человечество и попало в ловушку цивилизаций, внутри Левиафанов всё ещё продолжается сопротивление. И в самом деле, развитие цивилизаций с самого их начала всегда встречало сопротивление каждого нецивилизованного, вольного человеческого сообщества. История — это рассказ о ранних цивилизациях, разрушавших сравнительно свободные сообщества вокруг них, поглощавших или уничтожавших их, и дальнейшее повествование о том, как цивилизации сами боролись друг с другом, когда одни цивилизации уничтожали, поглощали или подчиняли

другие вплоть до сегодняшнего дня. Но сопротивление всё ещё возможно, и мы все можем проследить наши родословные до тех людей, которые когда-то жили без государства, без денег и были более свободными в некотором глубинном смысле.

Взгляды Фреды Перлмана были приняты и развиты другими участниками проекта журнала “Fifth Estate”, в первую очередь Дэвидом Уотсоном, писавшим под несколькими псевдонимами, включая Джорджа Бредфорда. “Fifth Estate”, по сути, представлял собой в 1960-е годы подпольное издание, развившееся к середине 1970-х до революционного анархистского журнала, а затем, в 1980-е, до анархо-примитивистского проекта. Хотя “Fifth Estate” в последнее время и отказался от некоторых самых радикальных своих взглядов, высказывавшихся ранее, это издание остаётся одним из важнейших ориентиров в существующей примитивистской среде.

И хотя публицистика Уотсона явно основана на текстах Перлмана, он привнёс в неё и собственные соображения, включая дальнейшее развитие критики технологии и Мегамашины, высказанной Льюисом Мамфордом, апологию первобытной духовности и шаманизма, а также призыв к новой, подлинно социальной экологии (которая смогла бы избежать ошибок натурализма и рационализма Мюррея Букчина, а также постнужды и техноурбанизма). Теперь деятельность Уотсона можно оценить по собранию его наиболее важных текстов для “Fifth Estate” периода 1980-х годов «Против Мегамашины» (1998). Он является также автором двух книг, вышедших ранее: «Насколько глубока глубин-ная экология?» (1989, под псевдонимом Джордж Бредфорд) и «За пределами Букчина: Предисловие к любой будущей социальной экологии» (1996).

Джон Зерзан

Джон Зерзан, вероятно, самый известный сейчас вдохновитель примитивизма в Северной Америке, начал задаваться вопросами происхождения социального отчуждения в серии своих эссе, которые также печатались в “Fifth Estate” на протяжении 1980-х годов. Эти эссе в итоге вошли в его сборник «Элементы отказа» (1988, второе издание — 1999). Они содержали резкую критику ключевых аспектов человеческой культуры — времени, языка, чисел и искусства — а также значимую критику сельского хозяйства, этого кардинального изменения в истории общества, которое Зерзан называл «основой цивилизации». Однако хотя эти эссе о «происхождении», как их нередко называют, публиковались в “Fifth Estate”, они не всегда встречали одобрение редакции. Действительно, каждый номер “Fifth Estate”, в котором они появлялись, обычно включал в себя и комментарии, недвусмысленно отрицавшие выводы Зерзана. В конце концов, когда коллективу “Fifth Estate” надоело публиковать его авторские тексты, и когда Зерзану стало всё сложнее и сложнее выдерживать очевидную неприязнь газеты к его курсу, он обратился к другим публикаторам, включая журнал “Anarchy”, недолговечное издание Майкла Уильяма “Demolition Derby”, и, наконец, среди прочих журнал “England’s Green Anarchist”. Следующий сборник его работ, «Первобытный человек будущего и другие эссе» был выпущен совместными

усилиями “Anarchy” и “C.A.L. Press” при участии группы “Autonopedia” в 1994 году. Кроме того, Зерзан издал две важные антологии примитивизма: «Ставя под вопрос технологию» (совместно с Элис Карнес, 1988, второе издание — 1991) и более свежую «Против цивилизации» (1999).

Скандалную известность Джон Зерзан, пожалуй, прежде всего получил благодаря радикальным и прямолинейным выводам, сделанным в своей ранней критике. В этих эссе и в последующих сочинениях, хорошо знакомых читателям журнала “Anarchy”, он напрочь отвергает всю символическую культуру как отчуждение и отход от первобытного состояния человеческой природы, существовавшего до цивилизации, до одомашнивания, до разделения труда. В определённых кругах он также приобрёл известность своим одобрением Унабомбера, которому посвятил второе издание «Элементов отказа», уверив тем самым всех дотоле сомневавшихся, что он со всей серьёзностью относится к своим критическим статьям и к необходимости разработать принципиально критическую, бескомпромиссную практику.

“Earth First!” и глубинная экология

Примитивистское направление, развившееся из среды, связанной с акцией прямого действия “Earth First!” «В защиту Матери-Земли», тесно связано с понятием глубинной экологии, сформулированным, среди прочих, Арне Нессом, Биллом Деваллом и Джорджем Сешонсом. В рамках этого направления сообщество прямого действия “Earth First!” (в основном базировавшееся на западе США и состоящее преимущественно из анархистов), по-видимому, оказалось в поисках философского обоснования, подходящего для их деятельности по защите дикой местности и человеческой дикости вне города, — и открыло в глубинной экологии если не последовательную теорию, то некое неотразимое оружие.

“Earth First!” будучи в значительной мере, но, конечно, не полностью неформальной организацией, сама происходила из нативистского экоанархизма Эдварда Эбби (чьи сочинения о природе, такие как «Отшельник пустыни» и роман «Банда гаечного ключа», были очень влиятельными), а также радикального нативистского энвайроментализма Дэвида Формана и его друзей. По сути изначальное движение “Earth First!” нередко придерживалось открыто антииммигрантского подхода, провозгласившего «Североамериканская природа только для граждан США и Канады!», чтобы спасти хоть какой-то уголок дикой природы, который ещё можно было бы уберечь от всё увеличивающегося хищничества человека — добычи полезных ископаемых, строительства дорог, тотальных вырубок, чрезмерной аграрной эксплуатации, выпасов скота и туризма на службе у современного общества массового потребления, — даже и не ощущая необходимости разрабатывать какую-либо критическую социальную теорию. Однако как только “Earth First!” вышла за пределы Юго-Запада США и оказалась очагом широко распространённого движения прямого действия, стало ясно, что большинство людей, присоединяющихся к их блокадам, маршам, вывешиванию баннеров и пикетам, в немалой степени действовали под влиянием отнюдь не нативистских социальных движений 1960-х и 1970-х (а под влиянием

движения за гражданские права, против войны, против атомного оружия, феминистских и анархистских движений и т. п.). Противоречия между рядовыми членами и неформальными лидерами, контролировавшими журнал “Earth First!”, достигли апогея с уходом Формана и последующим открытием им издания “Wild Earth”, фокусировавшегося на более соответствовавших его предпочтениям перспективах консервационной биологии. Новое руководство “Earth First!” (и новый журналистский коллектив, образовавшийся после ухода Формана) отражало реальное разнообразие активистов, ныне вовлечённых во всю сферу “Earth First!”, — эклектичную смесь либеральных/реформистских защитников природы, левых с экоуклоном (и даже экосиндикалистов, аффилированных с «Индустриальными рабочими мира»), кое-кого из зелёных, различных экоанархистов и множество глубинных экологов. Но несмотря на такое разнообразие очевидно, что глубинная экология вполне может оказывать самое широкое влияние на среду “Earth First!” в целом, включая и тех, кто относит себя к примитивистам. Вероятно, так сложилось в основном потому, что “Earth First!” — это прежде всего движение прямого действия в защиту дикой Природы, явно не социально ориентированное, несмотря на радикальные социальные убеждения многих его участников. Глубинная экология обеспечивает теоретическое обоснование подходу «сначала — природа, общество — потом (если вообще его учитывать)», часто преобладающему в “Earth First!”. Она выдвигает специально выработанный биоцентристский или экоцентристский подход («перспективу единого природного мира», как его характеризует Lone Wolf Circles *) на замену предполагаемым антропоцентристским перспективам в большинстве других философий, отдающим предпочтение ценностям и целям человека. Она также предлагает природную философию, сливающуюся с одухотворением природы, которые вместе способствуют оправданию экопримитивистской перспективы для тех многих активистов, кто желал бы видеть существенное сокращение человеческой популяции и уменьшение масштабов или полное уничтожение промышленных технологий с целью снизить или устранить всё нарастающее разрушение природного мира современным индустриальным обществом. Хотя норвежский философ Арне Несс (сам не являвшийся примитивистом) обычно считается создателем глубинной экологии, книга «Глубинная экология» (1986), впервые получившая известность в Северной Америке, была написана Биллом Деваллем и Джорджем Сешонсом. Книга же Арне Несса «Экология, сообщество и образ жизни: Наброски экософии», появилась в 1990 году, а работа Джорджа Сешонса «Глубинная экология для XXI века» вышла в 1994-м.

Который из примитивизмов?

Как со всей очевидностью можно понять из этого краткого обзора (в котором вынужденно не уделено внимание обсуждению как многих деталей, так и некоторых важных участников и влияний), направления в примитивистской среде не просто различны, но нередко по своей сути несовместимы. Отождествление себя с примитивизмом может означать весьма разное для тех, на кого оказали влияние Фреды Перлман или Дэвид Уотсон, Джон Зерзан или Арне Несс. Фреды Перлман поэтически чувствует песни и танцы первобытных сообществ, их вовлечённость в природу и их родство с другими биологическими видами. Для Дэвида Уотсона примитивизм

прежде всего подразумевает прославление устойчивого, доиндустриального (но не обязательно доаграрного) образа жизни многих народов, который, как он полагает, был принципиально сконцентрирован на племенных культурах (и в особенности племенных религиях), атрибутах и техниках празднеств. Для Джона Зерзана примитивизм в первую очередь является позицией, предъявляющей требование положить конец всем возможным символическим отчуждениям и разделением труда, чтобы мы могли воспринимать мир как возвращённую цельность опыта, без необходимости в религии, искусстве или других символических компенсациях. В то же время для тех, на кого повлияла глубинная экология, примитивизм означает возврат к доиндустриальному миру, населённому небольшим числом людей, способных не только жить в гармонии с природой, но прежде всего оказывающих минимальное воздействие на все другие виды животных и растений (и даже бактерий).

Примитивизм как идеология

Хотя я ценю и уважаю интеллектуальные поиски большинства примитивистских течений, существуют очевидные проблемы с формулировкой любой критической теории, в основном фокусирующейся на примитивистской идентичности (или любой другой позитивно рассматриваемой идентичности). Боб Блэк утверждал:

Анархо-коммунистические охотники-собиратели (а они ведь именно такие) прошлого и настоящего очень важны. Не (обязательно) потому, что они преуспевают в адаптации к своим специфическим условиям, которые по определению не поддаются обобщению. Они важны потому, что показывают, что жизнь когда-то была и может быть принципиально другой. Смысл не в том, чтобы восстановить такой образ жизни (хотя можно найти основания и для этого), но чтобы понять возможность уклада жизни, абсолютно противоположного нашему, уклада, который в самом деле существовал миллион лет, а значит и другие жизненные уклады, противоположные сегодняшнему, тоже вполне реальны» (Боб Блэк, «Детская болезнь технофилии», напечатано издательством "Green Anarchist" и доступно в сети по адресу www.primitivism.com).

Если бы было очевидно, что примитивизм всегда подразумевал такой тип открытой, неидеологизированной позиции, то примитивистская идентичность была бы куда менее проблематичной. Но, к сожалению, для большинства примитивистов идеализированная, гипостазированная картина первобытных обществ неизбежно вытесняет сущностную важность критического подхода к собственным установкам, как бы они это периодически не отрицали. Ключевой аспект критики быстро перемещается от критического осмысления мира общества и природы к принятию необъективного идеала, по которому оценивается этот мир (и собственная жизнь), к архетипически идеологической позиции. Такая почти непреодолимая восприимчивость к идеализации является наиболее слабым местом примитивизма.

Особенно ясно это становится при попытках установить точное значение слова «примитивный»/«первобытный». Крайне важно, что не существует никаких современных «первобытных» сообществ, как нет и никакого единого, характерного, архетипичного «примитивного» общества. И хотя этот факт признаётся большинством

примитивистов, его значимость не всегда осознают. В своём существовании все общества, как теперь, так и в прошлом, обладают собственной историей и являются современными обществами в самом важном понимании этого слова, поскольку существуют в том же самом мире (даже располагаясь на удалении от центров власти и богатства), что и национальные государства, мультинациональные корпорации и глобальный товарный рынок. Даже общества древнего мира, существовавшие до прихода сельского хозяйства и цивилизации, при всей их схожести за время своего существования приняли множество невообразимо различающихся и передовых для того времени жизненных укладов. Но за рамками этих нескольких базовых рассуждений мы так и не можем понять, каковы были эти жизненные уклады, и тем более узнать, какие из них были самыми аутентично первобытными. И хотя это не означает, что мы не можем учиться у современных охотников и собирателей — или же растениеводов, кочевых скотоводов и даже устойчивых сельскохозяйственных сообществ, — это всё же означает, что нет смысла брать какой-то один образ жизни за идеал, которому следует некритически подражать, или же гипостазировать архетипический первобытный идеал, основанный на домыслах о том, что могло бы быть.

Ни вперёд, ни назад, а туда, куда мы только пожелаем идти

Как не устают замечать все критики примитивизма, нам просто не под силу вернуться назад во времени. Хотя это так не потому (как верит большинство критиков), что социальный и технический «прогресс» необратим, и не потому, что современная цивилизация неизбежна. Есть множество исторических примеров как сопротивления социальным и техническим инновациям, так и переходов к таким жизненным укладам, которые принято считать (верящими в Прогресс) не только более простыми, но даже худшими или отсталыми. А самое важное то, что мы не можем вернуться в прошлое потому, что куда бы мы ни двигались как общество, мы должны начинать свой путь с той точки, в которой находимся сейчас. Мы все захвачены историческим социальным процессом, ограничивающим наши возможности. Как на это обычно указывают марксисты, существующие материальные условия производства и социальные отношения в процессах производства в основном определяют возможности для социальных изменений. Хотя анархисты всё более критически (что справедливо относится к этим продуктивистским допущениям, стоящим за формулировками такого рода, в целом остаётся верным, что существующие условия общественной жизни (во всех их материальных и культурных измерениях) действительно обладают инерцией, делающей чрезвычайно проблематичными любые мысли о «возвращении» к прежде существовавшим (или даже скорее воображаемым) жизненным укладам.

Но нам совершенно необязательно идти вперёд в то будущее, которое готовят для нас капитал и государство. История учит нас, что их прогресс никогда не был нашим прогрессом — если понимать его как любое существенное уменьшение социального отчуждения, одомашнивания или даже эксплуатации. Скорее мы могли бы достичь куда большего, если бы вовремя отбросили стандарты всех философий истории, дабы наконец пойти своим собственным путём.

Только избавившись от ненужных, неизменно идеологических ограничений, налагаемых любыми пристрастными интерпретациями истории, мы наконец-то будем вольны стать теми, кем только пожелаем, а не теми, кем нам указывает стать некая концепция прогресса (или возврата).

Это не означает, что мы как глобальное общество сможем когда-либо просто игнорировать себя ныне существующих. Это означает, что в конечном счёте ни одна идеология не может содержать или определять социально-революционный импульс, его не фальсифицируя. Жизненная сила этого важнейшего импульса демонстрирует преимущество реального существования перед любым теоретизированием всякий раз, когда возникает противоречие между нашими насущными желаниями целостной, неотчуждённой жизни и всеми текущими социальными отношениями, ролями и институтами, которые не дают воплотить эти стремления.

Критика цивилизации, прогресса, технологии

Критическая проверка общества, в котором мы живём именно сейчас, и тех приёмов, при помощи которых оно систематически отчуждает наши занятия и отвергает наши желания более цельного и удовлетворяющего нас образа жизни, значительно более важна для нас, чем переоценка того, что называют первобытными обществами и жизненными укладами. И прежде всего такая проверка всегда должна быть процессом отрицания, неизбежной критикой нашей жизни изнутри, а не со стороны внешнего мира. Критика с позиции идеологий хотя и содержит в себе компонент отрицания, всегда сосредоточена где-то вне наших жизней и нацелена на некий позитивный идеал, которому мы должны, в конечном счёте, соответствовать. Сила их (слишком упрощённой) социальной критики достигается за счёт отрицания первостепенной важности наших собственных жизней и наших собственных возможностей осуществлять какую-либо истинную критику нашего социального отчуждения.

Самой сильной стороной примитивистской среды является разработанная и популяризированная ею критика цивилизации, прогресса и технологии. Сам я не отношу себя к примитивистам потому, что считаю любую теорию, идеализирующую одну из конкретных форм бытия (независимо от того, существовала ли она на самом деле), в своей основе идеологической. Но это не означает, что я менее критичен по отношению к цивилизации, прогрессу и технологии. Скорее я считаю их критику жизненно необходимой для обновления и дальнейшей радикализации любых настоящих усилий в общей современной социальной критике.

Как идеология примитивизм застрял в незавидной позиции, желая, по сути, построения сложной формы общества (однако весьма спорной в деталях), что, разумеется, требует не только массивных социальных трансформаций, технических перемен и перемещений населения, но и относительно быстрого отказа от по меньшей мере 10 000 лет цивилизационного развития. Было бы преуменьшением сказать, что цивилизация представляет гигантские риски для нашего выживания как личностей, и

даже, вероятно, как видов (в первую очередь из-за потенциальных угроз развязывания ядерной, химической и биологической войны). Однако же примитивизм даже при самом удачном стечении обстоятельств в лучшем случае может нам предложить лишь неопределённые обещания весьма гипотетических результатов: возможную всемирную деморализацию и капитуляцию наиболее могущественных правящих классов без чрезмерного количества гражданских войн, развязанных группировками, пытающимися частично или полностью восстановить рушащийся старый порядок. Таким образом, абсолютно невероятно, чтобы примитивизм, по крайней мере в этой его форме, смог бы получить, даже в условиях существенного социального коллапса, поддержку чего-то большего, чем сравнительно небольшой кучки маргинальных оппозиционеров.

Однако критика цивилизации не должна означать обусловленный идеологией отказ от любого исторического развития общества на протяжении последних 10 000 или 20 000 лет. Критика прогресса не означает, что нам следует вернуться к предшествовавшему образу жизни или приниматься за претворение в жизнь некоего заранее придуманного идеализированного состояния вне цивилизации. Критика технологии не означает, что мы не можем сначала успешно работать над ликвидацией лишь самых вопиющих форм технологизированного производства, потребления и контроля, оставляя менее интенсивные, менее разрушительные для общества и экологии формы технологий для позднейшей трансформации или ликвидации (в то же время, разумеется, стараясь минимизировать их отчуждающие воздействия). По сути, всё это означает, что куда более действенным будет формулирование революционной позиции, не скатывающейся с такой готовностью к идеологии. А также то, что примитивизм, лишённый всех своих идеологических наклонностей, будет лучше смотреться под другим названием.

Как же следует назвать социально-революционный подход, включающий критику цивилизации, прогресса и технологии, интегрированный с критикой отчуждения, идеологии, морали и религии? Не могу сказать, что существует такая формулировка, которая была бы лишена веских предпосылок для скатывания в идеологию. Но я сомневаюсь, что мы придумали бы что-то хуже «примитивизма».

Я, скорее всего, продолжу отождествлять этот подход с простым ярлыком «анархистский», отчасти веря в то, что со временем наиболее ценная критика, в настоящее время тесно идентифицируемая с примитивизмом, будет всё больше инкорпорироваться в анархистскую среду и отождествляться с ней, как в анархистской теории, так и в анархистской практике. Анархо-левым этот процесс не понравится. Не понравится он и анархо-либералам и прочим. Однако критика цивилизации останется наряду с соответствующей критикой прогресса и технологии. Продолжающееся углубление мировых социальных кризисов, вызванных непрекращающимся развитием капитала, технологий и государства, больше никогда не позволит тем анархистам, которые всё ещё противятся углублению этой критики, игнорировать последствия этих кризисов.

Мы стоим у начала нового века. Многие скажут, что сейчас, после двух столетий, прошедших со времён Годвина, Кёрдеруа или Прудона, мы не стали ближе к анархии. Значительно большее количество людей могло бы сказать, что мы отдаляемся от неё ещё сильнее. Или это не так? Если мы сможем сформулировать более мощную и более устойчивую к искушениям идеологии критику; а также если мы сможем разработать более радикальную и бескомпромиссную, но в то же время допускающую изменения практику, то, вероятно, тогда у нас всё ещё есть реальный шанс повлиять на неминуемые грядущие революции.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

МакКуин Джейсон
Почему я не примитивист
2001

Пер. с англ. В. Садовского по: McQuinn J. *Why I am Not a Primitivist* // *Anarchy: A Journal of Desire Armed*. No. 55. Spring 2001

ru.anarchistlibraries.net